

- Конески, Блаже. 1986. *Блажена гора зелена*. Скопје: Македонска книга.
- Kulavkova, Kata ed. 2007. *Violence & Art. Interpretations* Vol. 1. Skopje: MANU.
- Кулавкова, К. 2006. *Херменевтика на идентитети*. Скопје: Македонска ризница.
- Пенушлиски, Кирил. 1983. *Македонски народни балади*. Скопје: Македонска книга.
- Van Gennep, Arnold. 1960. [1909]. *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press.

Т. М. Николаева (Москва)

ПЕРЕХОДЫ, ПРЕВРАЩЕНИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЯ ТАТЬЯНЫ И АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ*

1. За сто лет после выхода книги А. ван Геннепа «*Les rites de passage*» (van Gennep 1909) ее основные положения прочно укрепились в сознании исследователей (хотя, возможно, не все ее читали), да также и писателей, журналистов, сценаристов, знающих об этой теории уже из вторичных источников. Основные положения ван Геннепа, конечно, применимы не только к тем обществам, которые он описывал. Он выделяет «особые категории обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения <...> Если полная схема обрядов перехода теоретически состоит из обрядов *прелиминарных* (отделение), *лиминарных* (промежуток), *постлиминарных* (включение), это не значит, что на практике существует равновесие трех групп по их значению или степени их разработки» (ван Геннеп 1999: 15). Однако даже описывая промежуточные (лиминарные) существования, А. ван Геннеп, не говоря об этом прямо, как бы дает понять, что человек движется «от» чего-то, не возвращаясь к исходной точке. Эту сторону человеческого существования восполнил в своем описании не менее знаменитый последователь ван Геннепа М. Элиаде. И все же «миф о вечном возвращении» (Элиаде 2002) на самом деле читается как «миф о вечном повторении», о следовании архетипам, в известном смысле слова — о статике. Так, «при комплексном рассмотрении поведения человека архаической стадии развития общества, поражает следующий факт: дела людей, равно как и пред-

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН, проект «Языковые ключи русской литературы: семантика и функции».

меты окружающего их мира, *не имеют собственной реальной значимости*. Предмет или действие приобретают *значимость*, и, следовательно, становятся *реальными*, потому что они тем или иным образом причастны к реальности трансцендентной» курсив Элиаде. — Т. Н.) (Элиаде 2002: 3). И А. ван Геннеп, и М. Элиаде, как это видно, обращались к обществам архаическим. Однако, не менее интересно применение их положений: а) к людям поздней культуры; б) к героям художественной литературы.

Лучше всего для такого эксперимента обратиться к классике. Выбрав самое известное произведение русской литературы — «Евгений Онегин», обнаруживаем в нем три состояния героев: а) реальное; б) ирреальное; в) состояние, которое можно назвать близким к статике архаического человека.

Как они проецируются на высказанные выше положения А. ван Геннепа и М. Элиаде? ¹

Герои Пушкина на протяжении текста романа перемещаются. Но их перемещения тоже могут классифицироваться по определенному признаку: они реальны или ирреальны.

Итак, соединив обе группировки, мы имеем следующую классификацию: I. **Перемещения** (реальные / ирреальные); II. **Превращения** (реальные / ирреальные); III. **Возвращения** (реальные / ирреальные). «Архаическое» состояние остается статичным, оно не подлежит переходам и перемещениям.

Двигаясь по самому тексту романа, мы видим постепенное нарастание архаического (сакрального, по А. ван Геннепу) начала, о чем будет сказано ниже.

Хотя центром моего исследования является Татьяна, проследить все «переходы» героини невозможно без обращения ко второму протагонисту — Онегину. Поэтому их движение будет прослежено по главам романа:

Глава первая. Перемещается только Онегин, который едет — как наследник — к умирающему дяде (*Летя в пыли на почтовых*). Перемещение реальное. Татьяна отсутствует.

Глава вторая. Татьяна находится в статичном состоянии, увлечена архаикой. *И были детские проказы ей чужды: страшные рассказы зимою в темноте ночей пленяли больше сердце ей. <...> Зимой, когда ночная тень полмиром доле обладает, и доле в праздной тишине при туманенной луне, восток ленивый почивает, в привычный час пробуждена вставала при свецах она.* Онегин отсутствует.

¹ Текст романа исследуется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. V. М.; Л., 1950. В дальнейшем более подробные текстологические указания при цитировании делаться не будут.

Глава третья. Онегин: а) едет вместе с Ленским *Подем*. — *Поскакали дру- ги*. Перемещение реальное; б) приезжает к Лариным после письма Татьяны. Перемещение реальное. Татьяна: а) почти не перемещается. *Докучны ей и звуки ласковых речей, и взор заботливый прислуги. В уныние погружена, го- стей не слушает она, и проклинает их досуги, их неожиданный приезд и продолжительный присест*. б) движение навстречу Онегину. *Татьяна прыг в другие сени, с крыльца на двор, и прямо в сад, летит, летит*. Перемещение реальное.

Глава четвертая. Татьяна: отсутствие перемещения. Реальное существование. *Увы, Татьяна увядает; бледнеет, гаснет и молчит*. Онегин — то же самое. <...> *Вот жизнь Онегина святая; и нечувствительно он ей предался, красных летних дней в беспечной неге не считая*. Автор как бы берет паузу перед изменением структуры.

Глава пятая. Онегин: а) превращение ирреальное (во сне Татьяны: *Он там хозяин, это ясно <...> Смутилась шайка домовых; Онегин, взорами сверкая, из-за стола гремя встает; все встали: он к дверям идет*); б) перемещение реальное (приход на именины Татьяны: *Вдруг двери настезь. Ленский входит и с ним Онегин*.). Татьяна: а) находится в статичном состоянии. *Татьяна верила преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гада- ньям, и предсказаниям луны. Ее тревожили приметы; таинственно ей все предметы провозглашали что-нибудь; Что ж? Тайну прелесть находила и в самом ужасе она*²; б) ирреальное перемещение (выход во двор: *Татьяна на широкий двор в открытом платьице выходит, на месяц зеркало наводит*); в) второе ирреальное перемещение с наложением архаики (пусть по снегу в хижину в ее сне: *Ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне, печаль- ной мглой окружена*).

² Читая многочисленную литературу о сне Татьяны и о его месте в тексте романа, поневоле удивляешься трем обстоятельствам: 1) никто не обратил внимание на то, что это — ЕЕ сон и потому фрейдистский подход не помешал бы интерпретации этого сна, где с приходом Татьяны хижина погружается в темноту (о наблюдениях В. Марковича (Маркович 1981) скажем позже), где *Онегин тихо увлекает Татьяну в угол и слагает ее на шаткую скамью*, сказав: *Мое!* многочисленным домогательствам других; 2) никто не обратил внимание на то, что, проснувшись, она ищет в книге Мартына Задеки слово *ведьма*, как будто бы никак не связанное с излагаемым сном; 3) никто не обратил внимание на несколько странное замечание Пушкина: *Когда бы ведала Татьяна, когда бы знать она могла, что завтра Ленский и Евгений заспорят о могильной сени* (глава шестая), при том, что уже заранее было известно, что Татьяна верила и снам, и карточным гаданьям.

Глава шестая. Онегин: а) реальное возвращение (домой: *Домой приехав, пистолеты он осмотрел*); б) реальное перемещение (дуэль: *Готовы санки беговые. Он сел, на мельницу летит. Примчались*). Татьяна отсутствует.

Глава седьмая. Татьяна: а) перемещение ирреальное (ночью к дому Онегина: *В поле чистом, луны при свете серебристом, в свои мечты погружена, Татьяна долго шла одна*³); б) ирреальное возвращение (домой: *Но поздно. Ветер встал холодный. Темно в долине. Роща спит над отуманенной рекою; луна сокрылась за горою. И пилигримке молодой пора, давно пора домой*); в) перемещение реальное (поездка с матерью в Москву: *Но вот уж близко. Перед ними уж белокаменной Москвы, как жар, крестами золотыми горят старинные главы*). Онегин в тексте главы отсутствует.

Глава восьмая. Татьяна: а) превращение реальное *К хозяйке дама приближалась, за нею важный генерал. Она была нетороплива, не холодна, не говорлива, без взора наглого для всех, без притязаний на успех <...> Она казалась верный снимок du comte il faut... «Ужели», думает Евгений: «Ужель она?»*; б) возвращение ирреальное *Кто прежней Тани, бедной Тани теперь в княгине б не узнал*; в) статика архаики *Сейчас отдать я рада всю эту ветюшь маскарада, весь этот блеск, и шум, и чад за полку книг, за дикий сад, за наше бедное жилище...* Онегин: а) реальное возвращение: *Он возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал*; б) переход в статическое архаическое состояние: *Он меж печатными строками читал духовными глазами другие строки. В них-то он был совершенно углублен. То были тайные преданья сердечной, темной старины, ни с чем не связанные сны, угрозы, толки, предсказанья*⁴ <...> *И постепенно в усыпление и чувств и дум впадает он...*; в) превращение ирреальное? *Свои покои запертые, где зимовал он, как сурок .. он ясным утром оставляет. <...> Идет, на мертвеца похожий...;* г) перемещение (ирреальное⁵): *Примчался к ней, к своей Татьяне <...> Нет ни одной души в прихожей. Он в залу; дальше: никого.*

2. Итак, Татьяна совершает то, что А. ван Геннеп называет «кругом вращения» (или «полным оборотом») понятия сакрального. <...> В течение всей

³ Об этом странном визите см. подробнее (Николаева 1997). Действительно, такой далекий ночной путь для одинокой дворянской барышни был просто невероятен. Еще более невероятным было ее ночное возвращение, учитывая и то, что Онегин жил не слишком близко: см. *Они дорогой самой краткой дамой летят во весь опор.*

⁴ Совершенно очевидно, что воспитанный французом-гувернером, светский петербуржец Онегин не мог всего этого знать: он погрузился в мир, внушенный Татьяной.

⁵ К. Эмерсон (Эмерсон 1995) считает, что этого визита Онегина не существовало в действительности.

жизни человек самой игрой восприятия и собственных оценок оказывается «обернувшимся вокруг самого себя» (ван Геннеп 1999: 16–17). И Татьяна, и Онегин не виделись несколько лет. То есть они находились в «промежуточной зоне» (лиминарной). Что было с Онегиным — мы знаем: он путешествовал. Что было с Татьяной, как и почему она так изменилась — мы не знаем. Кроме того, оказывается, что она по сути не изменилась: ее система ценностей осталась той же, как она сообщает об этом Онегину.

Именно в этом случае мы можем говорить о «вечном возвращении», следуя М. Элиаде. Как пишет М. Элиаде, «мы пришли к выводу, что желание человека архаического общества отвергнуть „историю“ и продолжать бесконечную имитацию архетипов свидетельствует о его стремлении к реальному, его ужас „потереться“ в ничтожной суеде мирского существования <...> Поступки первобытного человека определяются глубинным смыслом: его поведение определяется верой в абсолютную реальность, противостоящую мирскому миру „нереальностей“ в конечном счете <...> Для первобытного человека реальность заключается в имитации небесного архетипа» (Элиаде 2002).

О каких же архетипах может идти речь в данном случае?

Прежде всего, Татьяна — это мороз, зимняя ночь, холод. Это девушка, любившая и «мглу крещенских вечеров», и русскую зиму, и гаданье на Святках. Но в то же время именно она — это огонь и жар, о чем в романе говорится многократно. *Она дрожит и жаром пышет...; И не проходит жар ланит, но ярче, ярче лишь горит...; И, как огнем обожжена, остановилась она*⁶. Такое сочетание — холода и жара, мороза и огня находим в наборе архетипов К. Г. Юнга. Это Анима, душа. «Образ Анимы, как правило, проецируется на женщин <...> Все относящееся к Аниме нуминозно, то есть безусловно значимо, опасно, табуировано, магично. Желая жизни, Анима желает и добра, и зла <...> Анима консервативна, она в целостности сохраняет в себе древнее человечество» (Юнг 1991: 116–117). Нечто подобное еще ранее заметил в Татьяне Д. Мережковский: «Татьяна из того сумеречного, древнего мира, где родились Жар-Птица, Иван-Царевич, Баба-Яга...» (Мережковский 1990: 119). Двойственную природу Татьяны представлял себе и сам Пушкин: *Что ж? Тайну прелесть находила и в самом ужасе она: так нас природа сотворила, к противуречию склонна.*

3. Но архетипы или древние прообразы бывают и более конкретными, чем архетипы Юнга. Таковыми являются мифологические существа. Во времена Пушкина господствовала античность. Как же распределяются античные реми-

⁶ Более подробно см. об этом: (Николаева 1997: 272–273).

нисценции в тексте «Евгения Онегина»? Больше всего их в первой главе — 17 вхождений⁷. 7 вхождений в седьмой главе, 5 вхождений в восьмой главе. То есть — и это небезынтересно — они возникают в «петербургском» тексте, описывающем высший свет и просто современное Пушкину общество.

Особняком стоит богиня Диана. У Пушкина она связывается с Луной, как бы являясь ее олицетворением, — и с Татьяной. Во второй главе мы имеем четыре вхождения, в пятой главе четыре вхождения; в шестой главе — шесть вхождений. Приведем лишь несколько примеров. *Татьяна на широкой двор в открытом платице выходит, на месяц зеркало наводит, но в темном зеркале одна дрожит печальная луна; В поле чистом, луны при свете серебристом, в свои мечты погружена, Татьяна долго шла одна; Одна, печальна под окном озарена лучом Дианы, Татьяна бедная не спит и в поле темное глядит.*

Таким образом, «античный» петербургский текст и текст Дианы-Луны-Татьяны находятся в «дополнительном распределении», что несомненно не является случайным⁸.

Что же важного для нас мы узнаем о Диане? «Диана считалась олицетворением луны. Впоследствии отождествлялась с Немесидой и карфагенской небесной богиней Целестой. В римских провинциях под именем Д. почитались туземные богини — „хозяйки леса“, богини-матери» (Мифы народов мира: 376). Но самое важное — она отождествлялась с Артемидой и Гекатой греческого мира. Девственная богиня-охотница Диана бродит по лесам и роцам, строго наказывает строптивых. См. *Татьяна в тишине лесов одна с опасной книгой бродит; Ее прогулки длятся доле. Теперь то холмик, то ручей останавлиют поневоле Татьяну прелестью своей. Она, как с давними друзьями, с своими роцами, лугами еще беседовать спешит; Вставая с первыми лучами, теперь она в поля спешит* (число примеров можно легко умножить). Но интереснее более древняя ипостась Дианы — Артемида (Ἄρτεμις), по этимологии возможны варианты: «медвежья богиня, владычица, убийца». «Древнейшая А. — не только охотница, но и медведица. <...> Перед свадьбой А., согласно обычаю, приносилась искупительная жертва» (Мифы на-

⁷ Подсчет осуществляла я сама; данные согласовывались с результатами Национального Корпуса русского языка ИРЯ РАН и были таким образом верифицированы.

⁸ Книга И. Г. Добродомова и И. А. Пильщикова, посвященная «Евгению Онегину» (Добродомов, Пильщиков 2008), представляется чрезвычайно интересной и важной, однако авторы, как мне кажется, не учитывают того, что одно и то же имя может в одном тексте быть случайным и проходным (например, *Диана* в юношеских стихах Пушкина), а в другом тексте — нести глубинную смысловую нагрузку (*Диана* в «Евгении Онегине»).

родов мира: 107). Артемиды-Диана тайно влюблена в красавца Эндимиона. Но настоящий спутник Медведицы — Медведь (даже и лингвистически — Арктос). Поэтому Татьяна, встречая в лесу медведя, *скрепясь, дрожащей ручкой оперлась* на его лапу и он отпускает ее в хижину «кума» ненадолго: *Погрейся у него немножко...* Что же явилось предсвадебной испугительной жертвой? Не Ленский ли?⁹ Наконец, известно, что Диану-Артемиду сопровождают два животных: медведь и лань. Из-за убитой лани она ведь потребовала смерти Ифигении. О медведе уже говорилось выше. Конечно, в тексте «Онегина» мы встречаем и лань в «тексте Татьяны»: *Как лань лесная, боязлива; И утренней зари бледней, и трепетней гонимой лани...*

Известно, что Пушкин в юношеской поэме «Актеон» объединял два сюжета, связанных с Артемидой: влюбленность ее в Эндимиона и гибель Актеона, осмелившегося смотреть на купающуюся богиню.

Осмеливаясь делать выводы, скажу, что основная мысль, проходящая сквозь роман, — это победа человека архаического, человека древнего мышления, точнее, древнего существования, по М. Элиаде и А. ван Геннепу (Татьяны) над человеком цивилизованным и живущим законами современного ему общества (Онегиным)¹⁰.

Литература

- Van Gennep 1909 — *van Gennep A. Les rites de passage. Etude systématique des rites.* Paris, 1909.
- Ван Геннеп 1999 — *ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов.* М., 1999.
- Добродомов, Пильщиков 2008 — *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина». Герменевтические очерки.* М., 2008.
- Маркович 1981 — *Маркович В. М. О мифологическом подтексте сна Татьяны // Болдинские чтения-6. Горький, 1981.*
- Мережковский 1990 — *Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике.* М., 1990.

⁹ В «Онегинской энциклопедии» указывается, что «Татьяна собиралась произвести одно из самых древних языческих гаданий, на которые отваживались только самые смелые девушки <... > Пушкин „исправляет“ Жуковского, у которого подобное гаданье производилось „в светлице“, между тем как единственное возможное место его проведения — языческая „нечистая“ баня» (Онегинская энциклопедия: 91).

¹⁰ Древнее и бесконечно сильное начало, заметим, может быть и у девушки, читавшейся французских романов, поскольку она должна была вести человеческое существование во всех его проявлениях.

- Мифы народов мира — Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. А–К. М., 1980.
- Николаева 1997 — Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.
- Онегинская энциклопедия — Онегинская энциклопедия. Т. 1. А–К. М., 1999.
- Элиаде 2002 — Элиаде М. Миф о вечном возвращении. 2002 // www.koob.ru.
- Эмерсон 1995 — Эмерсон К. Татьяна // Вестник Московского университета. М., 1995, сер. 9, № 6.
- Юнг 1991 — Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // К. Г. Юнг. Архетип и символ. М., 1991.

Л. И. Акимова (Москва)

ВСАДНИК, СОБАКА И ПТИЦА. О СМЫСЛЕ ОДНОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ

В древнегреческом искусстве, особенно раннем, часто встречаются изображения всадников, которых сопровождают *собаки* (ср. Boardman 1998: 197, fig. 392) или *птицы* (ср. Boardman 1998: 234, fig. 464); в ряде случаев те и другие фигурируют вместе (ср. Boardman 1998: 174, fig. 354). Как и почему возник такой композиционный мотив, неизвестно. Но устойчивая связь птиц и собак и со всадником, и между собой — они присутствуют в храмовой скульптуре, на ритуальных сосудах, в мемориальных памятниках — говорит, что эти «животные образы» вовсе не «заполнительный декор», а наследие древнего ритуала.

В наиболее полном виде он прослеживается в близком раннегреческому ближневосточном искусстве, где, в частности, на известном финикийском блюде из гробницы Бернардини в Палестрине из музея Виллы Джулия в Риме, нач. VII в. до н. э., показаны целых три сцены в участием всадников, птиц и собак (Ратье 1987: илл. II, с. 26–28). В центральном медальоне, с изображением битвы царя с противниками, присутствуют *две собаки*: одна активно помогает ему, другая приступает к терзанию поверженного; в среднем круговом фризе шествуют восемь *лошадей* — над каждой летят по *две птицы*; во внешнем фризе, с очень сложной сценой «перехода» царя в виде сцены охоты, ритуального пира и боя с противником (см. Акимова, Кифишин 1994: 174), в «смертной» части птицы летят навстречу его колеснице, в «воз-